

Системогенетические закономерности в развитии метакогнитивных образований личности

А.В. Карпов,
чл.-корр. РАО, д.пс.н., проф., декан факультета психологии ЯрГУ, г. Ярославль

Важнейшими признаками любой научной концепции являются, как известно, ее конструктивность в решении наиболее актуальных исследовательских проблем, а также ее «резистентность» по отношению к тем или иным (часто – сугубо преходящим, а нередко – конъюнктурным) изменениям в сфере доминирующей проблематики. Концепция системогенеза, сформулированная и развитая в трудах В.Д. Шадрикова, не только не является исключением из этого гносеологического императива, но, напротив, выступает его демонстративным подтверждением. Одним из достаточно показательных «индикаторов» этого является то, что со временем в ее сферу включаются все новые дополнительные предметы исследования, а сама она выступает при этом продуктивной основой для их разработки, демонстрируя свой эвристический потенциал.

Так, по нашему мнению, в настоящее время сложились необходимые и достаточные условия для совместной разработки данной концепции и представлений, разработанных в одном из новейших направлений когнитивной психологии – метакогнитивизме [34-39]. В плане соотношения этих направлений сложилась достаточно контрпродуктивная ситуация, суть которой заключается в следующем. Как это нередко бывает в науке, два крупных направления развиваются в достаточной мере автономно, не взаимодействуя содержательно друг с другом, а концептуальный синтез между ними отнюдь не достигнут. Именно эта ситуация и характеризует отношения двух концепций – системогенеза и метакогнитивизма. Более того, между ними не только не достигнут концептуальный синтез, но даже и не сформулирована проблема осуществления такого синтеза. Вместе с тем, такой синтез и возможен, и необходим, а сама концепция системогенеза может содействовать решению ряда ключевых проблем метакогнитивизма. Впрочем, справедлив и обратный тезис: представления, сложившиеся в метакогнитивизме могут способствовать дальнейшему развитию концепции системогенеза. Важнейшей, хотя, конечно, не единственной методологической предпосылкой этого является то, что в обеих указанных концепциях первостепенное внимание уделяется наиболее важным – но одновременно и наиболее сложным для исследования – высшим уровням организации деятельности и поведения, а также системным механизмам и структурам их регуляции.

В силу этого, цель данной статьи состоит в то, чтобы представить некоторые из полученных нами результатов исследования метакогнитивных качеств личности равно, как и процессов, обеспечивающих эти качества), а также предпринять попытку их интерпретации с позиций концепции системогенеза.

Поскольку основой концепции системогенеза, его своеобразным «ядром» выступают представления о психологическом содержании принципов данного процесса, то отмеченная выше цель была конкретизирована до следующего предположения. Соблюдаются ли и, если да, то, как именно эти принципы в развитии таких специфических качеств (и, повторяем, процессов их обеспечивающих), каковыми являются метакогнитивные образования.

Предварительно, однако, необходимо сделать три замечания. Во-первых, как показано в ряде работ, проблема эмпирического исследования принципов системогенеза является очень сложной в силу целого ряда причин, в том числе и существенности влияния на результаты артефактов различного плана [17; 32]. Во-вторых, методические средства диагностики метакогнитивных образований разработаны до настоящего времени все еще явно недостаточно, что не может не накладывать ограничения на проводимые в этом плане исследования. В-третьих, необходимо отметить и еще одно обстоятельство. Оно, в отличие двух первых, является позитивным: дело в том, что сама психологическая природа многих метакогнитивных образований такова, что их генезис развертывается на достаточно большом возрастном интервале (включая периоды взрослости). Это позволяет применять по отношению к ним те методики, которые существуют именно во «взрослых вариантах» и представлены в относительно удовлетворительном количестве, что, естественно облегчает исследование.

Организация процедуры исследования была следующей. Выборка состояла из 210 человек обоего пола (107 мужского и 103 женского); возрастной диапазон испытуемых варьировал от 12 до 33 лет; все они являлись либо учащимися школ, либо студентами ярославских вузов, либо лицами с высшим образованием. В процессе исследования были использованы следующие методики, рассматриваемые в литературе как наиболее адекватные.

1. Методика Дж. Кагана для диагностики *когнитивного стиля* «рефлексивность-импульсивность», являющаяся наиболее известной в настоящее время, но – добавим – которая очень часто неправомерно трактуется в качестве методики диагностики рефлексивности как таковой

2. Методика Р. Диксона-С. Халтча, направленная на диагностику уровня развития *метапамяти* - «Metamemory in Adult» – MIA [35].

3. Авторская методика диагностики уровня развития *метамышления*, разработанная нами совместно с В.В. Пономаревой и И.М. Скитяевой, определяющая его посредством диагностики двух параметров – широты и разнообразия репертуара метамыслительных стратегий [10; 14].

4. Шкала «*ауторефлексии*» из методики М. Гранта (по [18]).

5. Субшкалы для диагностики *ретроспективной, актуальной и перспективной рефлексии* из разработанной нами совместно с В.В. Пономаревой методики [10].

6. Методика Д. Эверсон для диагностики уровня развития *метапланирования* (по [14]).

7. Методика Г.С. Никифорова, позволяющая диагностировать индивидуальную меру развития процессов *самоконтроля* [23].

8. Авторская методика диагностики «прогностического комплекса», то есть уровня развития процессов *прогнозирования* [10].

9. Методика диагностики «*метакогнитивной включенности в деятельность*» («Metacognitive Awareness Inventory» - MAI) (по [18]).

10. Методика оценки эффективности «*метакогнитивного поведения*» (Д. Ла Коста), позволяющая диагностировать уровень развития процессов метаконтроля за поведением (по [18]).

11. Разработанная нами методика диагностики «способности к *метарешениям*» [12].

12. Субшкала диагностики «*коммуникативной рефлексии*» из разработанной нами совместно с В.В. Пономаревой методики [10].

13. Шкала «*социорефлексии*» из методики М. Гранта (по [14]).

В соответствии с основными задачами данного исследования (а ими – напомним – выступала комплексная верификация предположения о воплощенности в генетической динамике метакогнитивных образований системогенетических принципов) были получены следующие главные результаты, которые можно обобщить следующим образом.

Во-первых, было обнаружено, что основные метакогнитивные образования подвержены генетической динамике на исследованном возрастном интервале существенно *разными темпами*, что является проявлением в этой динамике одного из основных системогенетических принципов – *принципа неравномерности формирования компонентов системы*. Данная закономерность, глубинной детерминантой которой, по всей видимости, является общий закон нелинейности, немонотонности формирования компонентов любой сложной системы, должен быть осмыслен как очевидное свидетельство принадлежности самой совокупности метакогнитивных образований к такого рода сложным системам.

Во-вторых, было выявлено, что периоды наиболее интенсивного развития различных метакогнитивных образований в целом не совпадают. Данный факт непосредственно свидетельствует о том, что формированию совокупности метакогнитивных образований присущ еще один из основных системогенетических принципов – *принцип гетерохронности формирования компонентов системы*. В качестве достаточно иллюстративного примера сказанного можно привести сравнительные темпы динамики таких – наиболее известных и широко исследуемых метапроцессов, как метапамять и метамышление. Вместе с тем, очень показательно то, что уже в действии этого – основополагающего принципа проявляется специфика системогенетических принципов по отношению к формированию столь своеобразных образований, каковыми являются метакогнитивные процессы (и качества). Так, в классическом варианте концепции системогенеза установлено, что опережающими темпами развиваются относительно более простые компоненты системы [29]. По отношению же к системогенезу метакогнитивной системы данная закономерность не только не выполняется, но и фактически инвертируется. Дело в том, что опережающими темпами формируется не относительно более простой процесс (метапамять), а относительно более сложный (метамышление) [16]. Аналогичной закономерности подвержена сравнительная динамика формирования большинства других метакогнитивных образований.

Двумя другими – также основополагающими системогенетическими принципами, которые обычно анализируются (в силу их неразрывной связи) совместно, являются принципы *прогрессирующей интеграции компонентов системы* и *нарастающей их дифференциации*. Данные принципы также достаточно отчетливо проявились в динамике метакогнитивных образований.

Так (и это в- третьих) на материале результатов диагностики всех исследованных метакогнитивных процессов и качеств нами были определены матрицы интеркорреляций между их уровневными параметрами. Данная процедура была осуществлена на двух возрастных срезах – «минимальном» и «максимальном». На основе матриц были построены коррелограммы значимо связанных образований. Наконец, эти коррелограммы были обработаны по предложенной нами в [12] методике, позволяющей определять степень интегрированности коррелограмм (путем вычисления индекса их когерентности. Сама же когерентность является, фактически, индикатором меры интегрированности системы параметров, отраженной в коррелограмме; для его обозначения применяется аббревиатура ИКС. Кроме того, данная методика позволяет определять и меру дифференцированности коррелограмм и, соответственно, отраженных в них совокупности показателей (ИДС). В результате произведенных расчетов оказалось, что величина ИКС, то есть мера интегрированности системы метакогнитивных образований значимо (в 2,3 раза) возрастает в процессе онтогенетической динамики. Данный факт должен рассматриваться как свидетельство подчиненности развития метакогнитивной сферы принципу *прогрессирующей интеграции компонентов системы*. Наряду с этим, в процессе этой динамики имеет место и возрастание степени дифференцированности метакогнитивной сферы (ИДС). Следовательно, имеет место и выполнение еще одного системогенетического принципа – принципа *нарастающей дифференциации*. Вместе с тем, мера возрастания дифференцированности существенно меньше, чем таковая по отношению к интегрированности (они изменяются, соответственно, в 2,3 и в 1,3 раза). Причиной этого, на наш взгляд, является то, что сами метакогнитивные процессы неотторжимо связаны с «первичными» процессами, которые, в свою очередь, характеризуются теснейшими интегративными связями, превалирующими над дифференцирующими тенденциями. Наряду с этим, по отношению к данным принципам также проявилась их специфичность в генетической динамике метакогнитивной сферы. Ее смысл заключается в следующем. Если в классическом варианте системогенезе оба этих принципа действуют относительно однопорядково, то есть и интеграция, и дифференциация осуществляются сопоставимыми темпами на всем генетическом интервале, то по отношению к генезису метакогнитивной сферы дело обстоит существенно иначе. Как показано в [18] очень характерной особенностью генезиса этой сферы является то, что в его начале значимо доминирует принцип прогрессирующей интеграции, а принцип нарастающей дифференциации выражен несопоставимо слабее. И наоборот: на «продвинутых» стадиях генезиса метакогнитивной сферы резко преобладает принцип нарастающей дифференциации.

В-пятых, реализация в генетической динамике метакогнитивной сферы еще одной «пары» принципов – *принципа одновременности закладки компонентов системы* и *принципа обеспечения достаточного эффекта в функционировании системы* (которые, равно, как и два предыдущих принципа традиционно анализируются именно совместно, поскольку взаимопологают друг друга, тесно взаимосвязаны между собой) следует не только из экспериментальных материалов (хотя и из них тоже), но и из аргументов логическими порядком. Действительно, любой метакогнитивный (в другой терминологической традиции – «первичный») процесс по самой своей качественной определенности, то есть *атрибутивной* (и даже по определению) представляет собой «удвоение качественной определенности» того «первичного» процесса, с которым он соотносится. Другими словами, «первичный» процесс, сохраняя, разумеется, свою операционную функцию и не переставая быть поэтому «оператором» (терминология Л.М. Веккера [9]), дополняется в метакогнитивных образованиях тем, что он же начинает выступать и в качестве *операнда*, то есть уже не средства, а предмета организации. При этом, конечно, в его содержании сохраняются все процессуальные особенности, которые присущи ему в исходной форме. В свете данной закономерности достаточно очевидны два следующих факта. Первый: в силу системности строения когнитивной подсистемы и неразрывности связей между ее компонентами - когнитивными процессами (в том числе – и на самых ранних онтогенетических периодах), аналогичной «полносвязностью» и, следовательно, полнотой состава характеризуются и производные от них – «вторичные», то есть метакогнитивные процессы (хотя, конечно, на относительно ранних онтогенетических этапах – в достаточно простых проявлениях). Более очевидно по отношению к метакогнитивным процессам действие принципа одновременности закладки (в период интенсивного развития рефлексии). Дело в том, что она по своей природе является целостным, хотя и внутренне-дифференцированным макропроцессом, в структуре которого представлена вся совокупность метакогнитивных процессов

Аналогичное по смыслу обстоятельство обуславливает реализованность в генетической динамике метакогнитивной сферы и принципа обеспечения достаточного эффекта. Дело в том, что важнейшей функцией этих процессов выступает функция синтеза, интеграции основных

когнитивных процессов. Например, формирование метапамяти невозможно без опоры на мыслительные средства и операции, лежащие в основе выработки мнемотехнических (и шире – метамнемических) средства. Иными словами, метакогнитивные процессы, реализуют свою интегративную функцию; в значительной мере обеспечивают целостность когнитивной подсистемы, факт которой не подлежит сомнению. Следовательно, на любом уровне сформированности когнитивной подсистемы они обладают атрибутом достаточности. При этом мы, естественно, не утверждаем, что интегрированность когнитивной подсистемы сводится лишь к указанной функции: в действительности это лишь одно, но достаточно важное средство обеспечения такой целостности. Вместе с тем, необходимо отметить, что в отношении данного вопроса нет единого мнения, а дискуссия сторонников и оппонентов «синхронного» и раннего развития метакогнитивных образований оформилась в специальное направление метакогнитивизма, обозначаемое как генетическое [37; 38].

Анализ проблемы подчиненности формирования метакогнитивных образований принципам системогенеза приводит, далее, к достаточно сложному, но одновременно – важному вопросу. Это вопрос о том, *исчерпывают ли* уже установленные принципы все реально существующее их множество? Если да, то каков критерий достаточности этого множества? Если нет, то какие дополнительные по отношению к уже известным, принципы существуют?

Попытка ответа на него (см. подробнее в [17]) с достаточной рельефностью показывает наиболее существенное обстоятельство: суть генезиса любой системы, а, следовательно, и его *главный принцип* состоит в формировании ее уровневой структуры. Формирование целостной и скоординированной *иерархии* уровней системы во многом равнозначно ее генезису как таковому (и уж во всяком случае – лежит в его основе). Но если это справедливо, то есть если осуществляющаяся в ходе генезиса системы *иерархизация* структуры ее основных уровней является, действительно, очень *общей* закономерностью генетического плана и, более того, лежит в основе иных системогенетических закономерностей на всех основных уровнях, то столь же справедливо и заключение, согласно которому сама эта иерархизация также должна быть рассмотрена как необходимый принцип системогенеза. Вообще говоря, делая это заключение, нельзя не отметить достаточно парадоксальный факт: столь явная и общая закономерность генетического плана исследования любой сложной системы, каковой является становление и развитие ее структурно-уровневой, иерархической организации, до сих пор не концептуализируется в качестве именно принципа системогенеза. И наоборот, адекватная концептуализация данной – повторяем, не только предельно общей, но и основной закономерности делает настоятельной необходимостью включения в состав традиционно выделяемых принципов системогенеза дополнительного принципа – *принципа иерархизации*. В данном контексте небезынтересно отметить и то, что, одно из главных значений понятия «принцип» – это «начало». По-видимому, принцип иерархизации это и есть не только одна из *основных* системогенетических закономерностей, но одновременно – именно *начальная* (исходная, отправная) закономерность, на которой базируются все иные особенности генетической динамики систем.

Одним из наиболее очевидных проявлений этого положений выступает генетически совершенствующая иерархизация метакогнитивных процессов. Дело в том, что сами метакогнитивные процессы имеют статус «вторичных» по отношению к базовым когнитивным процессам. Последние же, как это является общепринятым, организованы именно на основе иерархического принципа, а формирование их системы в онтогенезе – это и есть в значительной степени процесс становления, формирования и развития все более совершенной когнитивной иерархии. Следовательно, будучи производными, «вторичными» от процессов системы когнитивной иерархии, метакогнитивные процессы объективно воспроизводят главные ее особенности. Это проявляется и в сформированном виде, и в процессе развертывания этого формирования. Вместе с тем, действие данного принципа и в особенности тот результат, к которому он приводит имеют специфику по отношению к метакогнитивной сфере. Действительно, итоговым, обобщенным результатом генетической динамики метакогнитивной сферы выступает становление рефлексии как таковой. Учитывая известное гносеологическое правило, согласно которому «анализ ставшего (то есть сформированного) [может выступать средством раскрытия его генезиса]», отметим следующее [20; 27] . При анализе рефлексивных процессов как атрибутивно метакогнитивных, хотя и принято отмечать, что они являются разнородными, но, тем не менее, сама эта «разнородность» не становится предметом самостоятельного и специального анализа, не ставится вопрос о ее причинах и смысле. Однако, трудно не видеть, что мера этой гетерогенности настолько велика, а проявления ее настолько очевидны и субъективно-феноменологически бесспорны, что невольно возникает вопрос о наличии

некоторых *существенных* причин, лежащих в ее основе. Диапазон различий рефлексивных процессов и феноменов поистине беспрецедентен: от элементарного смутного «самоощущения» до предельно развернутых, утонченных и даже изощренных форм самопознания в его полноте и качественной определенности.

На наш взгляд, именно в этой – повторяем, чрезвычайной гетерогенности рефлексии как раз и заключается «разгадка» ее природы, ключ к решению проблемы ее процессуального статуса. По нашему мнению, представляется достаточно парадоксальным, что до сих пор в этом многообразии процессуальных проявлений рефлексии не распознана и не зафиксирована одна — важнейшая закономерность: в терминологическом аппарате психологии, а также в естественном языке сложился целый ряд понятий и выражений, фиксирующих различные процессуальные проявления рефлексии. Это, прежде всего, следующие понятия: *самоощущение, самовосприятие, аутопредставления, «самонаправленное» внимание, «память о памяти» – метапамять, «мышление о мышлении» – метамышление.* Обратим специально внимание на то, что все эти процессы, согласно современной трактовке, как раз и относятся к категории *метакогнитивных* процессов, а в своей совокупности составляют ее важнейшую часть. Нетрудно видеть, что в этих (а также и иных – более дифференцированных) понятиях зафиксированы не просто различные процессуальные проявления рефлексии, а ее различные *уровни*, соотносящиеся с различными видами *основных когнитивных процессов.* Последние, как отмечалось, организованы на основе *уровневого принципа* и поэтому выступают не просто отдельными видами, а именно *уровнями.* Рефлексия тем самым воспроизводит в своем *уровневом строении* основные уровни *когнитивной иерархии* в целом. Каждый подуровень рефлексии полно, точно, непосредственно и вообще – совершенно естественным образом соотносится с тем или иным базовым уровнем когнитивной иерархии. Когнитивная иерархия «в лице» рефлексии оборачивается на внутреннее содержание психики и выполняет те же самые функции, которые эта иерархия реализует по отношению к познанию внешней среды. В связи с этим, можно, по-видимому, говорить о двух формах, двух модусах когнитивной иерархии в целом – «внешне-ориентированной» и «внутренне-ориентированной».

Данные представления имеют непосредственное отношение к проблеме принципов формирования метакогнитивных процессов. Действительно, с этих позиций возможно не только дать более полную и дифференцированную характеристику процессов рефлексии, но и в определенной мере уточнить и расширить представления о принципах генезиса их структурной организации. При рассмотрении этого вопроса в психологических исследованиях стало своего рода аксиоматичным прямое соотнесение и даже – взаимополагаемость *структурно-уровневой* организации и *иерархичности* ее построения. Проще говоря, если есть уровни, то они не только синтезированы в структуру, но последняя, реализуя некоторую систему функций, обязательно должна быть интегрирована в иерархию. Вместе с тем, изучение психологической природы рефлексии показывает, что это, по-видимому, хотя и очень важный, но все же частный случай соотношения принципов структурно-уровневой организации и иерархичности. Они, действительно, предполагают друг друга в том случае, если некоторая система *непосредственно* реализует управляющие, регулятивные функции. Их, кстати, может реализовать и сама рефлексия, взятая в ее регулятивном модусе (что в настоящее время обозначается понятиями «когнитивного мониторинга», «метакогнитивной включенности в деятельность» и пр. (см. обзор в [13]). Однако в своей атрибутивно исходной форме, в своей качественной определенности суть рефлексии состоит несколько в ином.

С одной стороны, это процесс, имеющий как бы противоположную по отношению к непосредственному управлению и регуляции природу: он (по определению) «прерывает» поведенческий континуум, приостанавливая его непосредственное осуществление. Тем самым он выступает в своем уже не регулятивном, а в собственном когнитивном модусе. Но, с другой стороны, и это главное, решая такую – принципиально иную задачу (не управления непосредственно, а самопрезентации), рефлексия не может и, по-видимому, не должна строиться иерархически, хотя и продолжает сохранять структурно-уровневый принцип организации; поясним сказанное. Среди всех процессов, входящих в состав рефлексии (начиная от самоощущения и кончая метамышлением) в принципе нельзя выделить какой-либо «наиболее важный» и потому – находящийся «на вершине» ее иерархии процесс. Для рефлексии самоощущение психикой самой себя не менее, а быть может, – и более значимо, нежели, например, способность «помыслить о себе» (то есть – метамышление). Суть рефлексии состоит в том, что, благодаря ей, достигается ощущение *полноты* и как бы *исчерпанности* репрезентации внутреннего мира – во *всем* многообразии его проявлений, в том числе – и процессуальных. Эта репрезентация предполагает опору на все когнитивные процессы, взятые в их «вторичной» форме – в форме метапроцессов. В рефлексивных процессах уровни структуры

(отдельные процессы) оказываются равнозначными (или, по крайней мере, однопорядковыми), а «полнота осознания Я» предполагает опору на все эти уровни *одновременно* и в *равной* степени. В силу этого, по отношению к рефлексии более адекватен уже не иерархический, а *гетерархический* принцип организации. Аналогично, и процесс генезиса данных процессов также подчиняется не столько принципу иерархизации, сколько принципу *гетерархизации*.

Таким образом, на основе представленных материалов можно сделать следующее предварительное заключение. Основные принципы системогенеза - неравномерности, гетерохронности, прогрессирующей интеграции, нарастающей дифференциации, одновременности закладки компонентов, обеспечения достаточного эффекта, иерархизации (трансформирующегося, правда, в свою более сложную форму – форму принципа гетерархизации, а еще точнее – представленного в синтезе с ним), действительно, выполняются в становлении и развитии метакогнитивных образований, а сам их генезис должен быть проинтерпретирован как системогенез. Причем, речь должна идти не только об интерпретации (как гносеологической процедуре), но о том, что становление и развитие метакогнитивных образований реально (то есть онтологически) является системогенезом.

Представленные данные позволяют также формулировать заключения более общего порядка, которые могут содействовать развитию концепции системогенеза. Так, первое и наиболее очевидное из них заключается в том, что данная концепция показала свою релевантность новой, до сих пор «не охваченной» ей сфере – системе метакогнитивных образований (процессов и качеств). Тем самым осуществлен еще один шаг ее концептуального расширения, повышения уровня ее обобщенности.

Далее, необходимо отметить, что это – именно «еще один шаг» такого расширения, но далеко не единственный. Как отмечалось выше, концепция системогенеза уже реализована к достаточно широкому кругу предметов психологического исследования. Это, в частности, и реализация системогенетического подхода к исследованию учебной деятельности, и исследование на его основе психологической системы способностей, и процессов принятия решения, и структурной организации системы психических процессов, и системы психологических защит личности, и феноменов психического выгорания, и процесса профессионализации и мн.др. [12; 13; 22; 24; 25; 33] Все это дает достаточные основания для заключения, согласно которому она «переросла» статус концепции и трансформировалась в *психологическую теорию системогенеза* со всеми присущими ей атрибутами: развитой методологией, системой теоретических положений, развернутым эмпирическим базисом, широкой сферой обобщенности, разнообразием исследуемой проблематики большими прикладными возможностями.

Кроме того, необходимо учитывать, что представленные в данной статье материалы посвящены анализу метакогнитивных процессов, атрибутивной характеристикой которых является их *осознанный* характер. Отсюда следует, что не только их реализация, но и процесс их формирования также носит аналогичный - осознаваемый характер. Следовательно, по отношению к системогенезу метакогнитивной сферы можно констатировать явно представленную *произвольность* контроля за его осуществлением; осознаваемый, а значит субъективно контролируемый его тип. Однако, все это, имея очевидный смысл, придает системогенезу метакогнитивной сферы качественно новые «границы» - элементы субъективизма, «отхода от строгой объективности». Последнее не всегда имеет позитивный смысл, приводя, в частности, к феномену *metacognitive loop* – (дословно «метакогнитивная петля»). Он возникает при наличии высокого уровня развития метакогнитивных процессов, когда сама по себе чрезмерная концентрированность на них (и вообще – на метакогнитивном мониторинге) начинает оказывать контрпродуктивное, ингибирующее влияние на «первичные» когнитивные процессы в целом и на мышление, в особенности, снижая их эффективность и продуктивность.

В реальности при этом, конечно, складывается гораздо более сложная ситуация. В едином процессе генетического развития метакогнитивной сферы соединяются и противоречиво взаимодействуют два «контура» - объективный (реализуемый на субсознательных уровнях) и субъективный, точнее - субъектный, осуществляющийся при решающей роли осознаваемой регуляции.

Наряду с этим, необходимо отметить, что вовлечение в круг исследуемых в теории системогенеза новых проблем с необходимостью приводит и к обогащению ее теоретического арсенала. Выше это было продемонстрировано необходимостью дополнения традиционных принципов системогенеза дополнительным принципом – иерархизации. В [18] представлены и иные данные, содействующие такому дополнению. Это является «индикатором» открытости данной теории для новых результатов.

Наконец, необходимо отметить, что *профессиональная деятельность* явилась лишь хронологически первым предметом исследования в концепции системогенеза, своеобразным источником для дальнейших исследований. Их развертывание, а также методологическое осмысление получаемых результатов со всей очевидностью вскрывают, быть может, наиболее важный факт. Системность (как базовый принцип организации) является универсальной и всеобщей для психики в целом, а также для всех ее образований; они – в своем сформированном виде обретают атрибуты системной организации. Следовательно, и процесс их формирования с необходимостью объективно развертывается как процесс формирования систем, то есть как системогенез. В силу этого, с полным правом можно утверждать, что системогенетический тип развития имеет не локальную или даже – не широкую, а всеобщую сферу действия. Он может быть понят поэтому в качестве базовой закономерности генезиса психических образований как систем, а также психики в целом.

* - Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований; № проекта 10-06-00455а

Библиографический список:

1. Азаров Н.Н. Стиль действия: рефлексивность-импульсивность // Вопросы психологии. - 1982. - №3. – С. 67-74.
2. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. - М.: Наука, 1978.
3. Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. - М.: Наука, 1978.
4. Антология мировой философии. В 2-х т. - М.: Политиздат, 1970.
5. Барабанщиков В.А. Системная организация и развитие психики // Психологический журнал - 2003. - Т. 24. - №1. – С. 29-46.
6. Барцалкина В.В. О взаимосвязи самосознания и рефлексии в онтогенезе // Проблемы логической организации рефлексивных процессов. Тез. научн. конф. Новосибирск, 1986. – С. 232-234.
7. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активности. - М.: Наука, 1990.
8. Брушлинский А.В. Психология субъекта. - СПб.: Алетейя, 2003.
9. Веккер Л.М. Психические процессы. - Л.: ЛГУ, 1974-1976. - Т.1. – 334 с.; Т.2. – 341 с.
10. Карпов А.В., Пономарева В.В. Психология рефлексивных механизмов управления. - М., ИП РАН, 2000.
11. Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология рефлексии. - М.: ИП РАН, 2002.
12. Карпов А.В. Психология принятия управленческих решений. - М.: Юристъ, 1998.
13. Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология метакогнитивных процессов личности. - М.: ИП РАН, 2005.
14. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал - 2003. - Т. 24. - №5. – С. 45-57.
15. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. - М.: ИП РАН, 2004.
16. Карпов А.В. О некоторых закономерностях взаимосвязи мышления и метамышления // Практическое мышление: теоретические основы и прикладные аспекты. - Ярославль: ЯрГУ, 2008. – С. 31-86.
17. Карпов А.В. Психология сознания: Метасистемный подход. - М.: РАО, 2011.
18. Карпов А.В. Метасистемная организация уровней структур психики / А.В. Карпов. - М.: ИП РАН, 2004.
19. Когнитивная психология / Под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. - М.: ПЕР СЭ, 2002.
20. Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание. - М.: Наука, 1980.
21. Ломов Б.Ф. Системность в психологии. - М.-Воронеж: АПСН, 1996.
22. Нижегородцева Н.В. Системогенетический анализ готовности к обучению. – Ярославль: ЯГПУ, 2004.
23. Никифоров Г.С. Самоконтроль человека. - Л.: ЛГУ, 1988.
24. Орел В.Е. Синдром психического выгорания личности. - М.: ИП РАН, 2005.
25. Поваренков Ю.П. Психологическое содержание профессионального становления человека. - М.: УРАО, 2002.
26. Роговин М.С. Современная когнитивная психология и проблема мышления // Мышление: процесс, деятельность, ощущение / Под ред. А.В. Брушлинского. - М.: Наука, 1982. – С. 213-273.
27. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. - М.: Учпедгиз, 1946.

28. Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие. - М.: ИП РАН, 2006.
29. Системогенез / Под ред. К.В. Судакова. - М.: Наука, 1978.
30. Субботина Л.Ю. Психология защитного поведения. - Ярославль: ЯрГУ, 2006.
31. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. - М.: «Барс», 1997.
32. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. - М.: Наука, 1982.
33. Шадриков В.Д. Деятельность и способности. - М.: Логос, 1994.
34. Brown A.L. Metacognition, executive control, self-regulation, and other more mysterious mechanisms. In F.E. Weinert, R.H. Kluwe (Eds.). Metacognition, motivation, and Dixon R.A. Structure and development of metamemory in adulthood // Jour. of Gerontology. - 1983, 38. - Pp. 682-688.
35. Dixon R.A. Structure and development of metamemory in adulthood // Jour. of Gerontology. - 1983. - 38. - Pp. 682-688.
36. Flavell J.H. Speculations about the nature and development of metacognition. In F.E. Weinert and R.H. Kluwe (Eds.). Metacognition, Motivation, and Understanding. - Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1987.
37. Metacognition: Cognitive and Social Dimensions / Ed. By V. Yzerbyt et al. - SAGE Publications, 2002.
38. Metcalfe J., Shimamura A.P. (Eds.). Metacognition: Knowing about Knowing. - Cambridge, MA: MIT Press. 1994.
39. Nelson T.O. (Ed.). Metacognition: Core Readings. - Boston: Allen and Bacon, 1992.